

Ана Мурра

Лунная
НЕПОГОДА

18+

Ана Мирра

Личная непогода

<https://litres.ru/74352117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья Белова привыкла фиксировать лишь тени и свет. Она — талантливый фотограф, отличница и девушка, которая всегда играет по правилам. До той ночи, когда в её жизнь ворвался настоящий шторм.

Алексей Викторович Негода — доцент кафедры эстетики, коллекционер редких книг и главный «ледяной король» университета. Строгий, недоступный, безупречный. Никто не знает, что под маской холодного академика скрывается мужчина, который сходит с ума от одной студентки.

Их тайная связь — это игра на грани фола. Каждый взгляд на лекции, каждое случайное прикосновение в закрытом архиве, каждый украденный поцелуй в темной фотолаборатории приближает их к роковой черте.

Ведь если их тайна раскроется, он потеряет карьеру и имя. А она будет отчислена с позором.

Но когда против них начинает плести интриги опасная соперница, Дарья понимает: чтобы спасти того, кого любишь, иногда нужно самой стать штормом.

Готовы ли вы заглянуть туда, где темно, жарко и опасно?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ана Мирра

Личная непогода

Пролог

Я всегда считал себя человеком абсолютного, монументального контроля. Пятнадцать лет я скрупулезно выстраивал свою жизнь как безупречную, сухую академическую композицию: строгие дорогие костюмы-тройки, безукоризненный порядок в бумагах на кафедре, монотонные лекции об эстетике Возрождения и непоколебимая репутация человека, которого физически невозможно вывести из равновесия. Коллеги с легким трепетом называли меня между собой «ледяным монахом», и мне искренне нравилась эта тяжелая ментальная броня. Она служила идеальным щитом, защищавшим мой упорядоченный мир от хаоса, глупости и чужих эмоций.

Пока на последнюю парту моей аудитории не села Дарья Белова. С этого момента вся моя броня пошла глубокими трещинами.

Сейчас я стою у огромной деревянной профессорской кафедры, методично переворачивая очередную хрустящую страницу лекционного конспекта. Мой голос звучит ровно, весомо, уверенно, заполняя собой душное, замершее про-

странство амфитеатра. Я вещаю студентам о светотени в полотнах Караваджо, о том, как густая, непроницаемая темнота подчеркивает первозданную чистоту света. Но каждое мое слово — это ложь. Самая большая, постыдная и смертельно опасная ложь во всей моей безупречной жизни. Потому что мои глаза, вопреки здравому смыслу, логике и жестким рамкам профессиональной этики, неотрывно фиксируют только одно яркое пятно в этом зале — её светлые, шелковистые блондинистые волосы.

Даша сидит, низко наклонив голову над открытой крышкой ноутбука. Тонкая, плотно облегающая черная водолазка подчеркивает её изящные, хрупкие ключицы и округлую, волнующую грудь. Она старательно делает вид, что конспектирует каждое мое слово. Но я слишком хорошо знаю, какой порочный хаос скрывается за этой маской прилежной отличницы. Я слишком отчетливо, до боли в висках помню то, о чем мы оба теперь повязаны молчать под угрозой полного уничтожения.

Под этой плотной черной тканью, на её нежной, бархатистой коже бёдер, всё еще бледнеют едва заметные, синеватые следы моих собственных тяжелых пальцев. Я разглядывал их сегодня утром в своих воспоминаниях, и эта картинка едва не свела меня с ума.

Внутри меня, прямо под строгим жилетом, разгорается глухой, душающий пожар, от которого во рту в секунду становится сухо. Стоит мне замолчать хотя бы на миг, как зве-

нящая тишина аудитории взрывается в моих ушах воспоминаниями о той безумной ночи. О том, как я грубо затолкнул её в прихожую своей квартиры, намертво прижал спиной к ледяной стене и, перехватив её хрупкие запястья одной рукой над головой, рванул подол этого черного платья вверх. Я помню, как входил в неё пальцами — резко, глубоко, заполняяще, чувствуя её тягучую, обжигающую влагу. Я помню вкус её губ, её рваные, бесстыдные стоны, то, как она иступленно скулила мне в шею, умоляя не останавливаться и брать её еще жестче. Я стою перед сотней студентов, а в моих ладонях до сих пор горит физическое воспоминание о том, как тесно, пульсирующе и горячо её лоно сжималось вокруг моего члена, когда я вбивался в неё всем весом на постели.

Даша внезапно поднимает голову. Наш взгляд встречается через пространство зала всего на долю секунды. В её больших зеленых eyes нет и капли страха перед строгим профессором Негодой. Там плещется та же самая запретная, первобытная страсть, которая медленно, но верно уничтожает нас обоих. Под моим пристальным, тяжелым взглядом её соски заметно твердеют, отчетливо проступая сквозь ткань водолазки, и она едва заметно, судорожно сжимает бёдра под партой. Она помнит всё. Она пульсирует от этих воспоминаний точно так же, как и я.

Я совершил самую страшную, непоправимую ошибку в своей карьере. Я впустил эту девчонку под свою кожу, под свою куртку, и теперь я стою на самом краю обрыва. Если

наша тайная связь раскроется, я потеряю имя, должность и всё, что строил долгие годы, а её с позором вышвырнут из университета. Но глядя на её приоткрытые, искусанные губы, я отчетливо понимаю: мне абсолютно плевать, что ждет меня внизу. Я уже проиграл эту битву собственной плоти.

Глава 1

Бар гудел низко и густо, как растревоженный улей. Дарья Белова сидела у стойки, медленно вращая соломинку в стакане, и наблюдала, как тает лёд. Прозрачные грани оседали, теряя форму, словно её собственная решимость. Сегодня она впервые за три года учёбы позволила себе сорваться с поводка. Никаких конспектов в голове. Никакой маски идеальной отличницы, намертво приросшей к лицу. Только шёлк чёрного платья, дразняще соскальзывающий с обнажённого плеча, и глухое, отчаянное желание, чтобы хоть кто-то увидел её настоящую.

Она почувствовала этот взгляд кожей раньше, чем осознала ментально. Тяжёлый. Сканирующий. Внимательный. Такой, от которого между лопаток мгновенно вспыхивает удушьяющий жар, будто к обнажённой пояснице приложили горячую ладонь. Дарья медленно подняла глаза.

Он стоял у самого конца стойки — высокий, широкоплечий, порочно красивый в чёрной рубашке с небрежно растёгнутой верхней пуговицей. Смотрел только на неё. В его потемневших глазах сквозило хищное узнавание. Не наглое, но собственническое. Словно он уже знал, как звучит её голос, когда она полностью теряет контроль над собой. Словно видел её насквозь — до самого дна, до тайных грешных мыслей.

Он подошёл неспешно, с грацией уверенного в своей силе мужчины, привыкшего брать своё без долгих прелюдий. От него пахло дорогим табаком, кедром и озоном — густым запахом грозы, которая ещё не разразилась, но уже заставила воздух искрить.

— Вы выглядите так, будто потеряли что-то очень важное, — его голос оказался низким, с хриплой вибрацией, которая мгновенно отозвалась острой пульсацией где-то внизу её живота.

Дарья заставила себя дерзко вскинуть подбородок, глядя в его серые, холодные глаза: — А вы всегда так начинаете разговоры с незнакомками?

— Только с теми, кто смотрит в пустоту так, будто готов добровольно упасть в неё.

— Алексей, — представился он, сокращая дистанцию до опасного минимума.

— Дарья, — выдохнула она, чувствуя, как её окутывает его тепло.

Они не договаривались словами. Всё случилось само, на уровне животных инстинктов. В полумраке такси его крупная, горячая ладонь легла на её колено и медленно, с тягучим нажимом поползла вверх по бедру, задирая подол платья. Дарья непроизвольно раздвинула колени, шумно втянув воздух. Ей было абсолютно плевать, видит ли их водитель в зеркало заднего вида. Весь мир сузился до этих пальцев, до этого властного, уверенного движения по её обнажённой,

чувствительной коже.

— Скажи мне остановиться, — обжигающим шепотом приказал он ей прямо в ухо, и его тяжелое дыхание опалило шею.

— Не смей, — со стоном выдохнула она, выгибаясь навстречу его руке.

В его квартире свет включать не стали. Он затолкнул её внутрь, мгновенно прижал спиной к ледяной стене прихожей и, грубо перехватив её запястья одной рукой над головой, задрал подол платья. Алексей вошел в неё пальцами — сразу глубоко, по самые костяшки, заставляя её захлебнуться воздухом. Дарья вскрикнула, но он жестко накрыл её рот своими губами, впиваясь в голодное, глубокое поцелуе и проглатывая этот звук.

Напряжение, копившееся годами, взорвалось. Он развернул её, поставил на четвереньки, упираясь ладонями в стену, и вошёл сзади — одним мощным, заполняющим, жёстким толчком до упора. Дарья всхлипнула от накатившего удовольствия. Алексей двигался глубоко, сильно, вбиваясь в её тело всем весом и крепко удерживая за бёдра так, что его пальцы наверняка оставили багровые следы. Она кончила первой, сжимая в кулаках воротник его рубашки, кусая собственное запястье, чтобы не закричать на весь дом. Он завершил следом — с низким, утробным стоном вонзился в неё в последний раз и уткнулся лицом в её мокрую от пота шею.

Утром его уже не было. На подушке осталась лишь записка, выведенная твёрдым, размашистым почерком: «Спасибо за эту ночь. А. Н.». Дарья сжала бумагу в кулаке, чувствуя, как сладко ноет всё тело, до сих пор помнящее его дикую силу.

Глава 2

Аудитория гудела, когда Дарья скользнула на последнюю парту. Милана тут же наклонилась к ней, нервно поправляя лямку топа и заговорщически понизив голос: — Слышала? Нам поставили нового препода по эстетике. Говорят, он в прошлом году вёл у третьего курса. Красавчик, но ледяной до ужаса. Ни одной девчонки к себе не подпустил, полный игнор. Настоящий монах!

Дарья криво, горько усмехнулась, открывая крышку ноутбука. Монах. О да. Если бы Милана только знала, как этот «монах» несколько часов назад держал её за бёдра, вбивался в неё до судорог и заставлял скулить в подушку.

Дверь аудитории резко открылась. Шум стихал не постепенно — он умер мгновенно, задушенный появлением одного-единственного человека.

К профессорской кафедре шёл он. Тот самый мужчина из бара.

Безупречный тёмный костюм-тройка, строгие очки в тонкой оправе, темные волосы идеально зачёсаны назад. Только одна непослушная прядь выбилась и лежала на виске — единственная деталь, выдававшая его ночное безумие.

Его запах дошёл до Дарьи раньше, чем он поднял глаза. Холодный кедр, дорогой табак, озон. Запах их ночной грозы. У Дарьи мгновенно, болезненно стянуло низ живота тя-

гучим теплом. Тело моментально вспомнило всё: вес его тела, жесткий ритм движений и то, как он хрипло рычал ей в волосы, когда кончал.

— Добрый день. Меня зовут Алексей Викторович Негода. Я буду вести у вашего курса эстетику.

Негода. Фамилия ударила сильнее, чем пощечина. Непогода. Её личная, смертельно опасная непогода, обрушившаяся на её правильную жизнь.

Его серые глаза медленно, сканирующе прошлись по рядам студентов и остановились на последней парте. Всего на секунду. Но в этом коротком визуальном контакте было всё: их тёмная прихожая, её бесстыдные стоны, его пальцы внутри неё. Он требовал, чтобы она молчала и делала вид, будто они незнакомы. В его взгляде не было и капли тепла. Только жёсткая, почти злая фиксация факта. Он знал. Она знала, что он знает.

— Я требую полного, абсолютного внимания на своих лекциях, — отчеканил он, глядя прямо на Дарью.

Она опустила глаза на клавиатуру, чувствуя, как крупно дрожат пальцы. Под плотной тканью водолазки соски стали твёрдыми от одного его голоса, и она мысленно молилась, чтобы никто в аудитории этого не заметил. Между ног пульсировало так сильно, что хотелось сжать бёдра до боли.

Милана наклонилась ещё ближе, обжигая сплетнями: — Дар, ты видела, как он на тебя посмотрел? Прямо буравил! Ты ему уже где-то насолить успела?

— Просто не выпалась, — тихо, пересохшими губами ответила Дарья.

Если бы её подруга знала, чьи ладони оставили на бёдрах Дарьи синяки, которые она еще утром испуганно разглядывала в зеркале ванной...

Лекция тянулась как в тумане. Дарья не слышала ни слова про эстетику Возрождения. Она физически осязала его взгляд каждый раз, когда он поворачивался к залу. Казалось, он нарочно говорит чуть тише, бархатным баритоном, заставляя её смотреть на движение своих губ и вспоминать, как эти самые губы хладнокровно целовали её грудь, живот и внутреннюю сторону бёдер.

Когда прозвучало финальное «можете быть свободны», Дарья первой схватила сумку и почти выбежала в душный коридор. Ей отчаянно нужен был воздух. Возможность перестать дышать его парфюмом, который, казалось, въелся под кожу и осел в лёгких.

Глава 3

Закрытый фонд редких книг пах пылью, сухой бумагой и изоляцией. Дарья шла между высокими чугунными стеллажами в полумраке библиотеки, водя узким лучом фонарика по старинным корешкам. Ей нужен был Оскар Уайльд — редкое иллюстрированное издание для курсовой. И для того, чтобы хоть на час перестать сходить с ума по своему профессору.

Она нашла нужный том, осторожно сняла его с полки и, проведя пальцем по шершавой пожелтевшей странице, тихо, одними губами прошептала в пустоту: — Единственный способ отделаться от искушения — поддаться ему...

— Вы цитируете Уайльда в оригинале или предпочитаете классический перевод, Белова?

Низкий голос прозвучал так близко, прямо над её ухом, что Дарья вздрогнула всем телом. Тяжелая книга едва не выскользнула из её ослабевших рук, но сильная, горячая мужская ладонь перехватила её прямо в воздухе.

Алексей Викторович стоял в полумраке стеллажей, практически вжимая её в полку. Его пиджак был расстегнут, галстук ослаблен, а верхняя пуговица рубашки снова открывала вид на сильную шею. Здесь, вдали от чужих глаз, с него частично слетела профессорская броня, но взгляд оставался пугающе тёмным.

— Белова, вы хоть понимаете, чем вам грозит нахождение здесь? — хрипло спросил он.

— Мне нужна была книга... — выдохнула она.

Его взгляд скользнул ниже — на её тонкие пальцы, испачканные проявителем для пленки. Он сделал ещё один шаг, лишая её кислорода. Запах кедра и табака ударил в голову, как чистый спирт. Дистанция между ними сократилась до нескольких сантиметров — так близко, что она слышала рваный стук его сердца.

— Я надеялся, что ошибся, — тихо, почти зло произнес он, и его голос сорвался на ту самую ночную хрипотцу, от которой у Дарьи мгновенно подогнулись колени. — Когда увидел вас на лекции, подумал: это безумие. Та девочка из бара была просто галлюцинацией, совпадением. Но вы крадетесь сюда и цитируете Уайльда.

Дарья прижалась спиной к холодному металлу стеллажа. Бежать было некуда. — Вы знали, что это я?

— Догадывался. И молил бога, чтобы это было не так. Потому что если вы — это вы... то я в огромной, блять, опасности, Дарья.

Он резко поставил книгу обратно на полку прямо над её головой, создавая своей фигурой осязаемую клетку из мужского тепла и силы.

— Почему? — сорвалось с её губ.

— Потому что я до сих пор чувствую, как твоё тело сжималось вокруг моих пальцев. Как ты умоляла не останавли-

ваться, — он наклонился ниже, почти касаясь губами её чувствительной мочки уха. — И теперь мне каждый день приходится читать лекции, смотреть на тебя и знать, какой невероятной порочной ты бываешь, когда теряешь контроль.

Его длинные пальцы легли ей на шею. Легко, но собственнически. От этого простого касания между ног Дарьи снова стало горячо и мокро.

— Это было ошибкой, — попыталась соврать она.

— Уайльд говорил, что единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему, помнишь? — его большой палец с нажимом провёл по её нижней губе, заставляя её приоткрыть рот. — А я очень плохо умею отказываться от того, чего хочу до безумия.

Он отстранился так резко, словно ударил сам себя. Взгляд мгновенно стал непроницаемым, профессорским: — Завтра в шесть вечера. Мой кабинет. Не опаздывайте, Белова.

Он ушел, оставив её одну в темноте. Дарья медленно сползла по металлическому стеллажу на пол, тяжело и прерывисто дыша. Губы горели от его прикосновения, а тело пульсировало от дикого желания. Она поняла, что попала в ловушку. И он только что признался, что заперт в ней вместе с ней.

Глава 4

Дарья стояла перед дверью кабинета 304 ровно в 17:55. Сердце колотилось где-то в районе горла, ладони были влажными. Она коротко постучала.

— Войдите.

В его голосе слышалось глухое, звенящее напряжение — как туго натянутая тетива лука.

Кабинет профессора Негоды был его точным отражением: строгий, дорогой, идеально упорядоченный. Ни одна деталь не выдавала в нём мужчину, способного жестко брать студентку у стены в прихожей. Алексей стоял у огромного окна спиной к двери. Его пиджак висел на кресле, а рукава белоснежной рубашки были закатаны до локтей, обнажая сильные, рельефные предплечья с тонкими венами. Дарья поймала себя на том, что жадно разглядывает их, вспоминая, как эти руки держали её бёдра.

— Садитесь, Белова.

Дарья села на жесткий стул, выкладывая на стол папку со своими фотографиями: — Я принесла материалы к курсовой, как вы просили.

Он медленно повернулся. Выглядел Негода так, будто не спал несколько суток: на лице залегли глубокие тени, появилась жесткая щетина, а в серых глазах горела глухая, темная мука. Он подошел к столу, но не сел, а мертвой хваткой вце-

пился пальцами в край столешницы так, что побелели костяшки.

— Дарья, — хрипло произнес он, окончательно отбросив фамильярность. — Ты хоть понимаешь, что здесь происходит?

— Я принесла работу...

— К чёрту работу! — он резко провёл рукой по волосам, окончательно уничтожая образ безупречного преподавателя. — Я не могу выкинуть тебя из головы. Я стою у кафедры, читаю лекцию, но вижу только тебя. И вместо гребаной эстетики я вспоминаю, как ты выгибалась подо мной на полу. Как сжимала простыни и кричала моё имя.

Дарья шумно сглотнула. Воздух в кабинете стал настолько густым и горячим, что его казалось невозможным вдохнуть.

— Алексей Викторович...

— Не называй меня так! Не здесь, — он стремительно обошел стол и вырос прямо перед ней. Слишком близко. — Я пытался. Честно пытался держать дистанцию, внушал себе, что та ночь — просто пьяная ошибка. Но каждый раз, когда ты заходишь в аудиторию, я чувствую себя самоубийцей на краю обрыва. И мне плевать, что будет внизу.

Он протянул руку и очень медленно, давая ей шанс отстраниться, коснулся её щеки. Тыльной стороной ладони провел по скуле к шее, вызывая у Дарьи лавину диких мурашек.

— Скажи мне уйти, — тихо, почти умоляюще попросил

он, и его зрачки расширились, затапливая радужку. — Скажи, и я стану самым правильным преподам на потоке. Но если ты сейчас промолчишь...

Дарья промолчала, прерывисто дыша.

Тогда он наклонился и впился в её губы поцелуем. Жестким, глубоким, голодным, со сдержанной яростью, которую она так жаждала почувствовать. Его рука по-хозяйски легла на её талию, намертво притягивая к себе, а вторая зарылась в её светлые волосы, заставляя запрокинуть голову. Дарья ответила сразу — жадно, без остатка, вцепившись пальцами в его рубашку. Стул с грохотом сдвинулся, папка упала на пол, рассыпав фотографии.

Алексей подхватил её под ягодицы, легко поднял и усадил на край рабочего стола, раздвигая её колени своими бедрами. Поцелуй стал требовательнее, его язык бесцеремонно изучал её рот. Горячая ладонь скользнула под юбку, обжигая внутреннюю сторону бедра. Когда его пальцы коснулись мокрого шелка кружевных трусиков, Дарья со стоном подавалась навстречу.

— Мы не должны... это безумие, — выдохнула она, но сама развела ноги еще шире.

— Знаю, — низко прорычал он. — Но я уже, блять, не могу остановиться.

Он бесцеремонно отодвинул ткань белья и вошел в неё сразу двумя пальцами — глубоко, до самого основания. Дарья выгнулась в пояснице, намертво вцепившись в его силь-

ные плечи. Он двигался жестко, ритмично, находя внутри нужный угол, заставляя её крупно дрожать.

— Смотри на меня, — приказал он хриплым, сорванным голосом.

Она открыла затуманенные глаза. В его взгляде горел первобытный голод и отчаяние. Он смотрел на неё так, словно она была его личной погибелью и спасением одновременно. Когда Дарья с коротким, сдавленным криком сжалась вокруг его пальцев в сильном оргазме, Алексей заглушил её стон глубоким поцелуем.

Он медленно вынул влажную руку, поднял испачканные пальцы к своему лицу и медленно провёл ими по своим губам, не отводя от неё потемневшего взгляда.

— Завтра после пар. Моя квартира. Если передумаешь — просто не приходи, Дарья.

Он резко отступил, подбирая рассыпанные снимки с пола, и протянул папку ей. Его руки заметно дрожали: — А теперь уходи, Белова. Пока я еще в состоянии тебя отпустить.

Дарья сползла со стола на совершенно ватных ногах. Забрав папку, она дошла до двери, обернулась. Профессор Негода стоял у стола, тяжело дыша, с растрепанными волосами и диким взглядом. Больше не преподаватель. Просто мужчина, чью жизнь она только что превратила в хаос.

Глава 5

Дарья не пришла на следующий день.

Весь вечер она просидела в своей комнате в общежитии, гипнотизируя взглядом темный экран мобильного. Милана пыталась вытащить её гулять, но Дарья отвечала невпопад. Внутри всё горело. Разум орал: это катастрофа. Он её преподаватель, она студентка. Если их поймают — конец всему.

Только в полночь она открыла переписку с ним. Пальцы дрожали. Набрав текст, она всё же нажала «отправить»: «Я не приду». Ответ прилетел ровно через две минуты: «Правильно». И всё. Никаких уговоров. От этого сухого согласия Дарье стало только хуже, словно он тоже всю ночь ломал себя через колено, уговаривая держаться дальше.

На следующей лекции она намеренно села у самого прохода. Негода вошел в аудиторию ровно по звонку. Их взгляды пересеклись на долю секунды — в его глазах читалась смертельная усталость и горькое, тяжелое облегчение.

Пара тянулась бесконечно. Дарья имитировала конспектирование, а сама считала, сколько раз его ладонь взъерошивает волосы на виске. Она ловила себя на грешной мысли, что смотрит на его широкую спину и мысленно снимает с него этот чертов строгий костюм.

После звонка она задержалась, собирая сумку медленнее всех. Когда аудитория полностью опустела, Алексей подо-

шел к её парте, выкладывая папку: — Белова. Ваша курсовая. Я просмотрел. Есть потенциал, но нужно глубже изучить тему светотени, — он сделал паузу, а затем добавил тише, без капли профессорского тона: — Вы сделали правильный выбор, Дарья. Что не пришли.

Дарья вскинула на него глаза: — А вы?

— Я пытаюсь делать правильный выбор, — честно, глухо ответил он. — Но получается пока паршиво.

Он развернулся и стремительно вышел. Дарья осталась сидеть, до боли сжимая пальцами картонную папку. Его мимолетное присутствие оставило на её коже осязаемый шлейф, который заставил низ живота снова сжаться в предвкушении.

Вечером она заперлась в темной фотолаборатории. В зловещем красном свете она проявила кадры, которые сделала тайно, с последнего ряда. На отпечатках в ванночке проступал его профиль. Его сильные руки. Непослушная прядь волос. Смотря на мокрые снимки, Дарья поняла, что проиграла эту войну самой себе.

Глава 6

Через три дня она всё-таки пришла к нему.

Не в университетский кабинет — домой. Адрес её тело помнило наизусть с той самой первой ночи. Алексей открыл дверь после второго звонка. Он был без пиджака, в простой чёрной футболке, обтягивающей широкую грудь, с влажными после душа волосами. Увидев её на пороге, он замер, словно не верил собственным глазам.

— Дарья...

— Я передумала, Алексей, — сказала она прямо ему в лицо.

Эти слова упали в тишину прихожей, как окончательный приговор. Он молча шагнул назад, впуская её, и закрыл дверь на засов. В следующую секунду его крупные ладони жестко обхватили её лицо, и он впился в её губы поцелуем такой сокрушительной силы, словно от этого зависела его жизнь. Он целовал её глубоко, голодно, сдирая зубами помаду, боясь, что она исчезнет.

Дарья ответила с той же дикой жадностью. Её спина с глухим стуком врезалась в стену. Горячие мужские руки уже были под её свитером, бесцеремонно сжимая обнаженную талию и поднимаясь выше, к груди. Она помогла ему сорвать футболку, проводя ладонями по рельефным мышцам его торса. Алексей низко, утробно зарычал, когда её пальцы

спустились к пряжке его ремня.

— Если мы начнем сейчас, — хрипло, прерывисто выдохнул он ей в шею, — я больше не смогу играть в правильного профессора. Ты понимаешь это, Аля?

— Понимаю, — прошептала она, уверенно расстегивая его джинсы.

Он легко подхватил её на руки. Дарья мертвой хваткой обхватила его пояс ногами, вжимаясь в его пах, где уже отчетливо чувствовалось его твердое, бешеное желание. Они добрались до спальни, не разрывая поцелуя. Одежда летела на пол рваными кусками.

Когда он вошел в неё — одним мощным, медленным движением на всю длину, — Дарья выгнулась дугой, шумно застонав ему в плечо. Алексей двигался глубоко, сильно, размашисто. Каждым толчком он выбивал из неё рваные, бесстыдные звуки, удерживая её бёдра так крепко, что на нежной коже блондинки мгновенно проступали багровые отпечатки его пальцев. Она оставляла на его спине глубокие красные полумесяцы своих ногтей.

— Смотри на меня, Аля! Смотри, — потребовал он, перехватив её запястья.

Она открыла глаза, задыхаясь от наслаждения. В его серых глазах больше не было льда — там бушевал пожар из голода и первобытного страха потерять её. Оргазм накрыл её внезапно и резко, как штормовая волна. Вся её плоть сжалась вокруг него в судороге, и Алексей кончил следом — с

низким, протяжным стоном из самого выдоха он излился в неё, вжимаясь всем телом до хруста костей.

После они долго лежали в густеющей темноте. Он медленно, успокаивающе поглаживал её мокрую спину длинными движениями. Дарья ухом ловила бешеный стук его сердца.

— Это ничем хорошим не закончится, — тихо прошептала она в его грудь.

— Знаю, — ответил он, целуя её в макушку. — Но я уже не могу по-другому. Ты под моей кожей.

Глава 7

Они пытались играть в осторожность. В стенах университета — ни одного лишнего взгляда, ни одного случайного касания. На лекциях Дарья сидела идеально ровно, имитируя прилежную студентку, но под столом её бёдра до сих пор ныли от его ночной жесткости.

Алексей вещал с кафедры о композиции и светотени так, словно между ними не было ничего, кроме учебного плана. Только изредка его голос на долю секунды падал в низкий регистр, когда он произносил её фамилию: «Белова». И от этой скрытой интонации у Дарьи по коже мгновенно пробежал легион мурашек.

Но по ночам вся их осторожность сгорала дотла.

Он забирал её из темных переулков за два квартала от корпуса на своем черном внедорожнике. Ехали в удушающем молчании, но его тяжелая, горячая ладонь всегда лежала на её бедре под юбкой, собственнически поглаживая нежную кожу. Как только за ними закрывалась дверь его квартиры, маски летели к черту.

Он брал её жестко, прямо в прихожей у стены. Брал на кухонной стойке — среди чашек и недописанных лекций, когда её ягодицы обжигало холодом мрамора, а внутри нее бушевал его огонь. Брал в ванной под струями горячей воды, когда пар полностью застилал зеркала, а её стоны эхом отскакива-

ли от кафеля. Медленно, до предела глубоко — в постели, заставляя её неотрывно смотреть ему в глаза. Дарья каждый раз думала, что привыкнет к этой интенсивности чувств, но тело отзывалось всё острее, плавясь под его руками.

Однажды ночью, лежа на его широкой груди, она тихо спросила: — Почему именно эстетика, Алексей?

Он долго молчал, перебирая пальцами её светлые волосы. Тени от уличных фонарей рисовали на потолке причудливые узоры.

— Потому что я всю жизнь пытался обуздать хаос, разложить всё по полочкам, — тихо ответил он, поворачивая к ней лицо. — А искусство доказывает, что хаос тоже бывает прекрасен. Ты — мой личный хаос, Дарья. Я должен был бежать от тебя. Вместо этого впустил под самую куртку, до самого сердца.

Она молча переплела свои пальцы с его ладонью. Алексей поднес её руку к своим губам, медленно, чувственно облизывая и целуя каждую костяшку. Кожа к коже. За окном хлестал дождь, а внутри их спальни воздух был пропитан такой концентрированной страстью, что никто из них уже не надеялся спастись.

Глава 8

Их почти поймали. Милана задержалась после пар и случайно увидела со второго этажа, как Дарья садится в тонированный черный внедорожник у служебного выхода.

Вечером в комнате общежития подруга села напротив Дарьи, скрестив руки на груди, и долго, в упор разглядывала её, пока та раскладывала мокрые фотоснимки.

— Ты с кем-то спишь, Белова, — это был не вопрос. Факты были выложены на стол, как козыри.

Дарья постаралась не поднимать глаз от ванночки с фиксажем: — Тебе кажется.

— Белова, не держи меня за дуру! Я видела машину. Огромный черный внедорожник. Ты прыгнула туда как к себе домой, — Милана подалась вперед, понизив голос до шепота: — Это он, да? Профессор Негода?

Дарья замерла. Сердце испуганно ломанулось в ребра так сильно, что в легких мгновенно кончился воздух. — О чем ты вообще...

— О том, что ты течешь и бледнееешь каждый раз, когда он заходит в аудиторию! О том, что ты пропадаешь до утра. И о том, что у тебя на шее багровый засос, который ты сегодня тридцать минут пыталась замазать плотным тональником!

Дарья медленно опустила снимок обратно в раствор. Её пальцы крупно дрожали. — Мил... Пожалуйста. Молчи. Не

надо.

Милана смотрела на неё долго, но в её глазах не было осуждения — только дикий страх за подругу. — Ладно. Я могила. Но если этот ледышка сделает тебе больно — ты сразу говоришь мне, поняла?

В ту же ночь Дарья рассказала обо всем Алексею. Он выслушал её в абсолютном молчании, сидя на краю кровати в одних боксерах. Его широкая спина была напряжена, как струна. Он тяжело провёл ладонью по лицу: — Это было вопросом времени. Кто-то всё равно бы догадался.

— И что теперь будет?

Он поднял на неё свои потемневшие, почти черные от внутреннего напряжения глаза: — Тогда мне придется выбирать, Аля. Между тобой и карьерой, которую я строил пятнадцать лет.

Дарья пододвинулась ближе, поджимая ноги под себя. В комнате было тепло, но её пробил ледяной озноб от его слов: — И ты... уже выбрал?

Алексей не ответил словами. Он резко притянул её к себе за талию и впился в её губы глубоким, отчаянным поцелуем, словно пытался запомнить её вкус на всю оставшуюся жизнь. Когда он отстранился, его голос был похож на хриплый рокот: — Я выбираю тебя. Каждую гребаную секунду, когда ты смотришь на меня своими большими глазами. Но цена за этот выбор будет слишком высокой для нас обоих. Ты готова?

— Да, — выдохнула она прямо в его губы. — Я не уйду.

В ту ночь их близость была пугающе тихой и отчаянной. Он двигался в ней медленно, с каким-то первобытным благоговением, покрывая поцелуями каждый сантиметр её светлой кожи — от нежных ключиц до внутренней стороны бёдер. Дарья сжимала ноги на его поясице так крепко, словно за окном наступал конец света. А утро пришло — серое, ледяное, безжалостное.

Глава 9

Ирина Павловна, заведующая кафедрой, начала копать под них гораздо раньше, чем они могли предположить.

Эта женщина с идеальной, намертво залаченной укладкой и змеиной улыбкой, которая никогда не отражалась в её холодных глазах, стала слишком часто заходить на лекции Негоды. Она садилась на первый ряд, якобы проверяя учебный процесс, но её цепкий, оценивающий взгляд постоянно задерживался на Дарье. Так смотрят на жертву, которую планируют уничтожить.

После одной из пар она намеренно перехватила Дарью в пустом коридоре у окна: — Белова, как продвигается ваша курсовая?

— Все в порядке, Ирина Павловна. Заканчиваю практическую часть.

— Отлично, — женщина приторно улыбнулась, и этот тон так и брызгал ядом. — Алексей Викторович просто взхлеб нахваливает ваш потенциал на заседаниях кафедры. Редко он так выделяет кого-то из студенток. Вы, должно быть, очень... старательная девочка. Особый подход к профессору нашли?

Дарья заставила себя вежливо кивнуть и пройти мимо, но её руки задрожали крупной дрожью, стоило ей завернуть за угол.

Вечером она рассказала об этом Алексею. Он слушал её, опершись на кухонный стол, и его лицо превратилось в суровую каменную маску: — Она опасна, Аля. Ирина умеет выжидать и бить точно в цель. Ей давно поперек горла стояло то, что весь факультет держится на моем авторитете.

— Что мы будем делать? — Дарья испуганно прижалась к его груди.

Он обнял её со спины, намертво впечатывая в свое горячее тело и утыкаясь носом в её светлые волосы. Его крупные ладони сжались на её животе: — Будем в сто раз осторожнее. Она не должна накопать ничего реального.

Дарья закрыла глаза, впитывая его силу, но впервые подсознательно ощутила дикий, липкий страх. Не за свой диплом или отчисление. За него. За его жизнь и карьеру.

Той ночью Алексей брал её с особой, собственнической яростью. Он входил в неё так глубоко и сильно, словно пытался выжечь внутри нее свое имя, оставить клеймо, которое никто не сможет стереть. Дарья кончала, выкрикивая его имя в полумраке спальни, и еще долго плакала у него на плече, слушая бешеный стук его сердца.

Глава 10

Их осторожность больше не работала. Ирина Павловна теперь здоровалась с Дарьей в коридорах подчеркнуто ласково, постоянно предлагая «лично просмотреть её фотоматериалы в приватной обстановке после шести вечера». Дарья раз за разом отказывалась, ссылаясь на занятость в фотолaborатории, и змеиная улыбка заведующей становилась всё тоньше: — Как знаете, Белова. Просто помните, что на нашем факультете репутация — это всё. Один неверный шаг, и вы на улице с позором.

Вечером Дарья сидела на столешнице в кухне Алексея, до белых костяшек сжимая в руках кружку с чаем: — Она открыто провоцирует меня, Леш. Она что-то знает.

Алексей стоял у окна, глядя на мокрый ночной город. Его широкие плечи были напряжены: — Знаю. Сегодня на совете кафедры она при всех спросила, почему я уделяю индивидуальным консультациям студентки Беловой так много личного времени. Я ответил, что у тебя сильный визуальный язык. Она ухмыльнулась и выдала: «О да, Алексей Викторович, особенно язык. Мы все заметили».

Дарья резко поставила кружку: — Может... нам нужно остановиться? На время. Пока всё не уляжется?

— Нет! — он резко обернулся, и его глаза полыхнули опасным серым огнем. Голос прозвучал жестко, как удар

хлыста. — Я уже пытался держаться от тебя дальше, Аля. Не смог. Если я сейчас отступлю и испугаюсь эту тварь — я возненавижу себя.

Он стремительно подошел к ней, опустился на корточки между её разведенных коленей и жестко взял её холодные ладони в свои, согревая своим дыханием: — Я не отдам тебя ей. Никогда. Но нам нужно переиграть её.

В ту ночь в их постели царило удушающее, безмолвное безумие. Он целовал её глубоко, забирая весь воздух, и входил на всю длину — медленно, тягуче, не сводя с её лица тяжелого взгляда. Дарья тихо, беззвучно плакала от переизбытка эмоций, когда мощный оргазм скрутил её тело. Алексей бережно слизывал слёзы с её щек своими губами и еще очень долго не выпускал из своих объятий, намертво прижимая к своей широкой груди в темноте, пока за окном штурмил ледяной дождь.

Глава 11

Их поймали через две недели. Не в постели, но от этого было еще хуже.

После поздней вечерней консультации по дипломному проекту Алексей провожал Дарью к служебному выходу. В пустом, погруженном в полумрак коридоре первого этажа, где камеры наблюдения не доставали до слепой зоны, он не выдержал. Алексей резко остановился, дернул Дарью за руку на себя, вжимая в стену, и приник губами к её виску. Это был секундный, почти невинный жест нежности, но для них двоих он стал роковым.

В тишине коридора отчетливо, как выстрел, щелкнул затвор камеры мобильного телефона.

Они синхронно обернулись, тяжело дыша. В нескольких метрах от них, в густой тени колонны, стояла Ирина Павловна. В её ухоженной руке был зажат смартфон, а на лице играло абсолютное, хищное торжество: — Какая восхитительная, порочная сцена, — пропела она своим приторным голосом. — Профессор и его юная отличница. После девятнадцати ночей. В пустом крыле. Алексей Викторович, вы так самоотверженно отдаетесь индивидуальной работе со студентами.

Алексей медленно, закрывая Дарью своим телом, отпустил её ладонь. Его лицо превратилось в ледяной гранит, а

голос упал до опасного рыка: — Ирина Павловна. Удалите снимок. Живо.

— Или что, коллега? — она издевательски наклонила голову. — Побегите жаловаться ректору, что вас засняли в момент грубейшего нарушения корпоративной этики? Боюсь, в этой пикантной ситуации с позором вылетите отсюда именно вы. Вместе со своей... безумно талантливой блондинкой.

Дарья попыталась сделать шаг вперед из-за его спины: — Это была просто консультация!

— О да, детка, конечно, — протянула заведующая, пряча телефон в брендовую сумку. — А поцелуи в шею — это, видимо, новая методика изучения эстетики? Очень прогрессивно. Я пока повременю давать ход этому кадру. Но завтра в девять утра я жду вас, Алексей Викторович, в своем кабинете. Будем решать вопрос вашего экстренного увольнения.

Она развернулась и ушла на своих каблуках, оставив после себя удушливый шлейф дорогих духов и звенящую тишину катастрофы.

Алексей стоял бледный как смерть, его кулаки были сжаты до хруста, а на виске бешено пульсировала жилка. — Всё, — тихо, сорванным голосом произнес он. — Ловушка захлопнулась.

Они доехали до его квартиры в гробовом молчании. Всю дорогу он мертвой хваткой сжимал её руку на своем колене. Стоило двери закрыться, он сорвался. Алексей швырнул Дарью на кожаный диван в гостиной, быстро, с мясом разрывая

пуговицы на её блузке. Он взял её жестко, глубоко, с пугающим отчаянием, вбиваясь в её тело до изнеможения и неотрывно глядя в её заплаканные глаза. Дарья кричала от дикого, болезненного наслаждения, царапая его плечи до крови. Когда всё закончилось, он не вышел из неё. Алексей лежал сверху всем своим тяжелым телом, судорожно вдыхая запах её шеи, и хрипло повторял: — Я не отдам тебя им, слышишь? Не отдам. Пусть всё горит синим пламенем.

Глава 12

Их разговор в кабинете заведующей длился больше часа. Дарья узнала все подробности только вечером, когда Алексей сам приехал к ней в общежитие. Он выглядел уничтоженным изнутри. Профессор сел на край её узкой студенческой кровати, опустив голову на руки: — Она требует, чтобы я ушел сам, Аля. По собственному желанию и без шума. Тогда этот снимок никогда не всплывет. Если я откажусь — завтра утром кадр будет на столе у ректора и в этической комиссии вместе с кучей заявлений о том, что я принуждал тебя к сексу ради оценок.

Дарья резко села рядом, обнимая его за плечи: — Пусть передает! Мы пойдем и скажем правду!

— Какую правду, девочка моя?! — он горько, страшно усмехнулся, поворачивая к ней бледное лицо. — О том, что я действительно трахаю свою студентку на рабочем столе? В глазах комиссии я буду выглядеть как похотливый ублюдок, использующий власть. Я потеряю всё: имя, репутацию, право когда-либо преподавать. А тебя вышвырнут из университета с волчьим билетом за аморалку.

— Мне плевать на их диплом! Мне нужен ты! — выкрикнула Дарья, и слезы брызнули из её глаз.

— А мне не плевать на твою жизнь! — его голос сорвался на крик, и он жестко обхватил её лицо ладонями, заставляя

смотреть на себя. Его пальцы крупно дрожали. — Я не позволю тебе сломать жизнь из-за меня. Ты чертовски талантлива, Дарья. Перед тобой весь мир. Я не имею права разрушить твоё будущее своим эгоизмом.

Она попыталась оттолкнуть его, чувствуя, как внутри всё покрывается ледяной коркой: — Не смей решать за меня, Алексей!

— Я уже всё решил, — отчеканил он, и его взгляд стал холодным как гранит. — Завтра утром я подписываю заявление об уходе. И уезжаю в Питер, там мне давно предлагали кафедру в частной академии искусств. А ты останешься здесь. Спокойно допишешь диплом. Защитишься. И забудешь меня как страшный сон.

Дарья смотрела на него, и ей казалось, что её сердце заживо вырывают из груди: — Ты сейчас это серьёзно говоришь? Ты просто сбежишь?

— Да. Так будет лучше для тебя.

Она резко встала с кровати, её голос звенел от дикой боли и злости: — Тогда убирайся отсюда прямо сейчас! Уходи! Если ты решил поиграть в благородного рыцаря за мой счет, то ты меня вообще, блять, не знаешь, Негода!

Алексей тоже поднялся. Несколько секунд они буравили друг друга яростными взглядами. Затем он коротко, официально кивнул и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Дарья упала на пол прямо у кровати, обхватила колени

руками и впервые за долгое время разрыдалась в голос — громко, навзрыд, до саднящей боли в горле. Всю ночь она была от одиночества, а её тело буквально горело и требовало его жестких прикосновений.

Глава 13

Алексей действительно подал заявление об увольнении. На следующее утро весь университет гудел, как растревоженное гнездо: «Негода уходит! Срочно! Скандал на кафедре эстетики!». Никто не знал реальных причин, но все смаковали подробности кулуарной войны.

Дарья сидела на чужой паре, уставившись в одну точку невидящим взглядом. Милана пыталась тормошить её, но внутри Дарьи была лишь выжженная, звенящая пустота.

После занятий она караулила Ирину Павловну прямо у дверей кафедры. Когда заведующая вышла, Дарья преградила ей путь, тихо произнеся: — Вы получили то, чего хотели. Он уволился. Теперь вы довольны? Подавитесь своей победой.

Ирина Павловна остановилась, её улыбка была пропитана абсолютным торжеством: — Белова, вы слишком истеричны, это мешает учебе. Алексей Викторович принял зрелое решение касательно своей карьеры. А вам я настоятельно рекомендую закрыть рот и заняться дипломом. Будет очень жаль, если на защите у вас возникнут... непредвиденные осложнения. Вы же умная девочка.

В её словах было столько неприкрытой угрозы, что Дарья физически ощутила тошноту. Она развернулась и пошла прочь. Руки начали трястись только тогда, когда она запер-

лась в своей фотолаборатории.

Красный свет. Густой запах химикатов. Дарья молча, механически двигала пинцетом снимки в ванночке с проявителем.

В дверь тихо постучали, и вошла Милана: — Дар... Это правда? Он уезжает?

— Да. Завтра вечером. Поезд на Питер.

— И ты... простопустишь его? Позволишь этой твари уничтожить вашу любовь?

Дарья достала щипцами мокрый фотоотпечаток из воды. В кроваво-красном свете проступило лицо Алексея — лицо мужчины, ради которого она была готова пойти на плаху.

— Нет, — твердо, ледяным тоном ответила Дарья, и её взгляд стал пугающе решительным. — Я не отдам его.

Милана подошла ближе, затаив дыхание: — Что ты задумала, Аля?

Дарья повесила сушиться снимок на прищепку. Её руки больше не дрожали: — Я уничтожу её её же методами. Я найду, чем этой змее ответить.

Глава 14

Она нашла компромат почти случайно, глубокой ночью. Общежитие уже давно спало, Милана тихо сопела на соседней кровати. Дарья сидела в наушниках за ноутбуком, по сотому кругу перебирая старые файлы видеоматериалов с пленэра — те самые таймлапсы старого корпуса, которые она снимала для проекта еще до начала их романа с Негодой. Кадры сменяли друг друга: пустой холл, игра света на паркете, тени от колонн.

Она уже собиралась закрыть программу, как вдруг её палец замер на трекпаде. Тайм-код на видео: 18:42. Тот самый злополучный день.

В глубокой, темной нише арки, ведущей к коридору деканата, отчетливо проступила женская фигура. Из-за сильного контрового света лицо было смазанным, но эту идеальную, натянутую как струна осанку, дорогую сумку и силуэт Дарья узнала бы из миллионов.

Ирина Павловна.

В её руке был зажат смартфон, направленный ровно в ту слепую зону, где через ровно восемнадцать минут Алексей остановит Дарью и поцелует в висок.

Дарья судорожно увеличила масштаб кадра. Еще. На пикселях поползло зерно, но выжидательная, хищная поза заведующей была очевидной. Она стояла в засаде.

Следующий кадр. 18:43. Из коридора выходит уборщица с тележкой. Ирина Павловна испуганно прячет телефон в карман, делает вид, что рассматривает стенд, а как только женщина скрывается — снова поднимает камеру, продолжая кадражить.

Это не было случайным свидетельством. Это была спланированная, хладнокровная охота. Капкан, который змея готовила заранее.

Дарья откинулась на спинку стула, её сердце бешено заколотилось, а в груди поднялась чистая, ледяная, концентрированная ярость. Она пересмотрела этот кусок видео раз десять, сохранила копии на три флешки и в облачное хранилище, синхронизировала временные метки с сервером вуза. Всё сходилось безупречно.

Под утро она жестко потрясла Милану за плечо, заставляя проснуться: — Вставай. Смотри сюда.

Милана сначала ворчала, но стоило ей впиться глазами в экран ноутбука, как остатки сна мгновенно слетели с её лица. Подруга грязно выругалась: — Охренеть... Дарья, это же...

— Она пасла нас. Специально высчитывала время, — Дарья говорила мертвенно-спокойным, опасным тоном. — А потом пришла к нам с этой фотографией, разыгрывая случайную свидетельницу и поборницу морали.

Милана дикими глазами посмотрела на неё: — Это же чистый шантаж и должностное преступление! Что ты сделаешь? Пойдешь к ректору? Напишешь заявление в полицию?

Дарья медленно, со зловещим стуком захлопнула крышку ноутбука: — Нет. Я художник, Мил. Я не буду бегать по кабинетам и плакать, дожидаясь, пока бумажная комиссия соизволит разобраться. Я сделаю то, что умею лучше всего. Я устрою досрочную предзащитную выставку своего проекта. И этот кадр будет висеть в самом центре Белого зала. Огромный. Чтобы каждый ублюдок на факультете увидел её истинное лицо.

Милана смотрела на подругу с диким восторгом и страхом одновременно. В тусклом свете рассвета лицо Дарьи казалось высеченным из мрамора: — Тебя же вышвырнут из вуза за такое шоу!

— Меня и так вышвыривают её руками, — Дарья хищно улыбнулась краем губ. — Теперь моя очередь наводить резкость на эту тварь.

Милана решительно сжала её руку: — Я в деле. Что нужно делать?

— Достань мне мощный цифровой проектор, — приказала Дарья, глядя на занимающийся за окном серый рассвет. — И сделай так, чтобы на предзащите собралась вся верхушка факультета.

Глава 15

Белый зал факультета искусств был переполнен. Воздух пах дорогим парфюмом, шампанским и густым шлейфом чужого грязного любопытства.

Дарья стояла у центральной стены рядом с огромным подрамником, скрытым тяжелым черным бархатом. На ней было то самое облегающее черное платье из бара, светлые волосы собраны в безупречный строгий пучок, а на лице — ни капли косметики, только темные тени от бессонных ночей, подчеркивающие её хрупкость и пугающую решимость. Она выглядела как карающий ангел, пришедший вершить суд.

В первом ряду, вальяжно закинув ногу на ногу, сидела Ирина Павловна с бокалом шампанского. Рядом с ней сидел декан факультета, Виктор Аркадьевич, вальяжно обмахиваясь буклетом. Все профессора, доценты и студенты замерли в ожидании презентации фотопроекта «Эстетика хаоса». Никто из них не догадывался, что сейчас начнется казнь.

Дарья подошла к микрофону, её голос разнесся по залу кристально чётким, ледяным эхом: — Мой проект посвящен теням. Тому, что большинство из вас предпочитает хладнокровно не замечать, пряча за масками приличия. В искусстве фотографии есть понятие контрового света — когда источник находится позади объекта. Он ослепляет, он стирает черты лица. Но именно он с абсолютной точностью прояв-

ляет истинный силуэт человека. Именно он показывает, кто на самом деле держит камеру, куда она направлена и ради каких грязных целей.

Она сделала паузу, вонзаясь взглядом прямо в лицо Ирины Павловны. Заведующая нахмурилась, её бокал замер в воздухе, почуяв неладное.

— Центральная работа моей экспозиции называется «Охота». Хроника одного спланированного должностного преступления и травли внутри этих стен.

Дарья резко, с силой дернула за край бархатного каната. Тяжелая черная ткань с шорохом упала на паркет.

В ту же секунду Милана на пульте врубила проектор на полную мощность. На всю белоснежную стену Белого зала, от пола до самого потолка, вывелось гигантское, кристально четкое изображение.

Временная метка: 18:42. Тёмная ниша арки. И силуэт Ирины Павловны с поднятым смартфоном. Неоспоримый. Убийственный факт.

Следующий слайд переключился автоматически: 18:43. Она испуганно прячет телефон от уборщицы. Ждет. И снова поднимает камеру, продолжая пасти жертву.

В Белом зале воцарилась такая гробовая тишина, что стало слышно ровное гудение кулера проектора. Декан медленно, с глухим стуком опустил свой бокал на стол. Его лицо начало стремительно багроветь. Он перевел взгляд с экрана на замершую женщину: — Ирина Павловна... Какого черта?

Это что, вы?

Заведующая резко вскочила с места, её лицо под слоем дорогой пудры стало землисто-серым. Бокал в её руке так сильно задрожал, что шампанское выплеснулось на её безупречный костюм: — Это дешевый монтаж! — её голос сорвался на визгливую, паническую истерику. — Эта дрянь мстит мне за плохие оценки! Виктор Аркадьевич, это фальшивка, сгенерированная на компьютере!

— Все временные коды и метаданные видео синхронизированы с главным сервером безопасности университета, — ледяным, бьющим наотмашь голосом перебила её Дарья, глядя на нее сверху вниз. — Угол съемки до миллиметра совпадает с камерами в холле. Оригинал видеозаписи уже отправлен в ректорат и министерство. Вы не были свидетельницей, Ирина Павловна. Вы устроили засаду. Вы шпионили за студентами, чтобы использовать снимок как оружие и уничтожить карьеру лучшего профессора, освобождая место под себя.

Ирина Павловна открыла рот, но из её горла вырвался лишь задушенный хрип. В зале поднялся яростный, лавинообразный шепот. Преподаватели начали брезгливо отсаживаться от неё, декан тяжело, гневно задышал, барабанил пальцами по столу.

В этот момент массивные дубовые двери Белого зала с грохотом распахнулись. На пороге выросла высокая фигура Алексея.

Он был не в своем идеальном костюме — в расстегнутой кожаной куртке, с растрепанными волосами и жесткой щетиной, а в руке сжимал билет на поезд до Петербурга. Он выглядел дико, мощно и пугающе. Настоящий хищник, вернувшийся на свою территорию.

Их взгляды с Дарьей встретились через весь огромный зал. Алексей медленно, на глазах у ошарашенной публики, разорвал билет на Питер надвое и позволил обрывкам упасть на пол.

Затем он пошел к ней. Толпа студентов и профессоров беззвучно расступалась перед ним, как перед танком. Он вырос рядом с Дарьей, бросил один мимолетный взгляд на гигантское изображение беснующейся Ирины Павловны на стене, а затем посмотрел на свою блондинку. В его серых глазах горела безграничная, безумная гордость.

— Я же просил тебя ждать меня в Петербурге, Аля, — хрипло, с нескрываемой нежностью произнес он в микрофон.

— А я передумала, Леш, — ответила Дарья, и на её глазах впервые зажглись слезы триумфа. — Мне больше не нравится питерская погода. Здесь жарче.

Алексей хищно улыбнулся. Он протянул свою крупную ладонь, намертво переплел свои пальцы с её тонкой ручкой и поднял их сцепленные руки высоко вверх, демонстрируя всему факультету. Только после этого он повернулся к багровому декану: — Я увольняюсь, Виктор Аркадьевич. Заби-

раю с собой лучшее, что было в этих стенах. Но если хоть одна тварь на этом факультете посмеет дышать в её сторону — я вернусь. И тогда играть в искусство мы точно не будем.

Он снова повернулся к Дарье, и его голос упал до интимного шепота: — Поехали домой, девочка моя.

Она послушно кивнула. Они пошли к выходу под оглушительный ропот зала, оставив за спиной уничтоженную Ирину Павловну и её позор на огромном экране. Впервые за всё время им больше не нужно было прятаться от этого мира.

Глава 16

Едва за нами захлопнулась тяжёлая дверь его чёрного внедорожника, воздух в салоне стал густым и горячим. Алексей даже не потянулся к замку зажигания. Он резко развернулся, перехватил оба моих запястья одной рукой и впечатал меня в кожаное сиденье. Зонт остался лежать на мокром асфальте. С мокрых волос стекали капли, размазывая остатки туши, но его взгляд был таким голодным, что сердце колотилось где-то в горле.

Месяцы запретов, тайных встреч и притворства у доски взорвались в одну секунду.

— Смотри на меня, — низко приказал он и накрыл мои губы поцелуем.

Это был не нежный поцелуй. Это была жадная, почти жестокая расправа над всем, что нас держало в узде. Он целовал глубоко, до крови, заставляя меня стонать ему в рот. Вторая рука уже пробиравась под пальто, вздернула подол чёрного платья и грубо отодвинула кружево в сторону.

Когда он вошёл в меня сразу двумя пальцами — резко, глубоко, — я захлебнулась криком и развела ноги шире. Я была мокрой ещё до того, как он коснулся меня. Его большой палец начал жёстко кружить по клитору, и оргазм накрыл почти мгновенно. Я сжалась вокруг его пальцев, дрожа всем телом.

Алексей медленно вынул руку, провёл влажными пальцами по моим губам и глухо зарычал, глядя, как я слизываю собственную влагу.

— Домой, — хрипло повторил он и наконец завёл мотор. До прихожей мы едва добрались. Ключи со звоном упали на пол. Алексей впечатал меня спиной в стену, рванул ремень одной рукой, а второй задрал платье. Я сама помогала ему, путаясь в рукавах пальто. Он подхватил меня под бёдра, заставил обвить его талию ногами и вошёл одним мощным толчком до конца.

Я вскрикнула, запрокидывая голову. Он двигался жёстко, быстро, почти безжалостно, вколачивая нас обоих в стену. Его пальцы до боли впивались в мои бёдра — завтра там точно будут синяки, но сейчас это только сильнее раскаляло. Я царапала его плечи, стонала без всякого стыда, пока внутри не началась та самая тугая, нарастающая пульсация.

— Сильнее... Алексей, пожалуйста... — выдохнула я.

Он ускорился. Оргазм скрутил меня судорогой, и он кончил следом — с низким, утробным стоном, изливаясь глубоко внутрь и прижимаясь ко мне всем весом.

Мы сползли на холодный паркет, не размыкая объятий. Я лениво перебирала мокрые пряди его волос.

— Больше никогда не смей решать за меня и уезжать, — тихо, но очень твёрдо сказала я.

— Никогда, — ответил он, целуя меня в макушку. — Даже не проси.

Позже он поднял меня на руки и унёс в ванную. Горячая вода заполнила комнату паром. Когда капли потекли по моим ключицам, Алексей снова потерял контроль — усадил меня на край раковины, раздвинул колени и вошёл уже медленно, глубоко, смакуя каждый миллиметр. Это было не просто желание. Это было заявление: теперь ты моя. Окончательно.

Мы выстрадали эту ночь. И больше не собирались её отдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.